

Рафаэль МАНУКЯН

АЛЫЕ РОМАШКИ

Из фронтового блокнота

ТРИ дня шли ожесточенные бои. Три дня земля на высоте, где мы держали оборону, буквально выворачивалась наизнанку. Окопов двухметровой глубины, вырытых три дня назад, будто и вовсе не существовало. Высота сплошь покрылась глубокими воронками.

Три дня...

Казалось, и солнце устало. Лишь только краешек его диска показывался из-за горизонта, как вновь начиналась канонада. В течение дня она вырастала, сливалась в сплошной гул. Вражеские самолеты тучей закрывали небо. Бомбардировщики с черной свастикой в бреющем полете сбрасывали на нас свой смертоносный груз...

С тех пор прошло уже тридцать лет...

Недавно, проведя весь день на «Высоте героев», я отправился на ночлег в гостиницу Крымская. В вестибюле ко мне подошла еще не старая, но совершенно седая русская женщина.

— Вы из защитников «Вы-

соты героев»? — спросила она.

— Да, а как вы догадались?

— По выражению лица. Вы, наверное, были там...

Я кивком головы подтвердил.

— Вот видите. А мне казалось, что никого из тех защитников нет в живых. В то время я...

И женщина рассказала, что в те дни видела лишь один налет вражеской авиации и за одну ночь поседела. Тогда ей было всего 17 лет...

Говорить она не смогла, с трудом сдержала рыдание. Я даже не успел узнать ее имени. Видимо, и сегодня она работает в гостинице Крымская.

В те тяжелые дни войны называли безымянную высоту «Высотой героев».

Она и сегодня, и всегда будет так называться. На этой высоте все были героями — и те, кто пал смертью храбрых, и те, кто остался жив.

Настойчивые атаки гитлеровцев на нашу высоту объяснялись тем, что она занимала командное положение над значительным участком так называемой «голубой линии», глубоко эшелонированного рубежа немцев на Таманском полуострове.

Но высота так и оставалась неприступной.

Однако 18 июля 1943 года (этот день мне запомнился на всю жизнь) с утра на нашем участке фронта установилась необычная тишина. Казалось, враг отказался от намерения захватить высоту. А мы рады были затишью еще и потому, что этот день был днем рождения нашей

всеобщей любимицы — медсестры Марии. Ей исполнилось 19 лет. Все мы думали, как потеплее поздравить ее. Но больше всех волновался мой друг Гурам, родом из города Горя. Он подошел ко мне и сказал:

— Знаешь, сегодня день рождения Марии.

— Знаю, Гурам.

— Что будем делать?...

Гураму Мария была особенно дорога — он любил ее. (Она была красивой девушкой и бесстрашным, волевым человеком). Она добровольно пришла на фронт вместе с братом и уже год была в составе первого батальона 606-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии.

Красивой любовью любил Гурам Марию. С первого дня она завладела его серд-

цем. Много воды утекло за год, но Гурам Рамишвили, этот стройный, синеглазый, бесстрашный в бою парень, все никак не мог объяснить Марии. В этот день Гурам твердо решил, что скажет девушке: люблю... — Я преподнесу ей цветы, ромашки, — сказал он. Мы знали с Гурамом, где росли ромашки, — чудом уцелевший островок белел впереди нас, в нейтральной зоне, метрах в пятистах от нашей высоты. Туда и направился Гурам, где ползком, где перебежками от воронки до воронки. Но не успел он добраться до островка ромашек, как в небе появились вражеские самолеты. Сначала «мессершмитты» на бреющем полете обстреливали высоту из пулеметов, затем показались «юнкеры».

Они шли волна за волной, земля содрогалась от взрывов бомб, начался артиллерийский обстрел. Мы на высоте все-таки были в укрытии. Гурам в это время ходил где-то там, впереди, на открытой местности. Но как только налет прекратился, мы увидели, что он идет с большим букетом ромашек. Гурам возвращался к нам напрямик, даже не пригибаясь к земле. Кругом рвались снаряды, а он шел, шел. Мы видели: счастливая улыбка озаряла его лицо, он крепко прижимал к груди ромашки, прижимал, как самое дорогое, что доставалось ему в жизни. Только тогда, когда Гурам прыгнул в траншею, мы увидели, что он ранен и ромашки от крови стали алыми. Обняв ромашки и качаясь от слабости, он искал собою Марию. А Мария...

Гвардейские минометы остановили вражеское наступление. Высота осталась неприступной. Но на ее склоне появился еще один холмик. Скромную могилу Марии украсили ромашки, обогранные кровью. Алые ромашки.